

ЧУВАШСКИЕ МОЛЕНИЯ КАК ОБРЯДОВЫЙ ТЕКСТ

АНТОН КИРИЛЛОВИЧ САЛМИН

(Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН:
Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3)

***Аннотация.** Обрядовый мир чувашей богат и разнообразен, в чем автор этих строк достаточно убедился, занимаясь вопросами систематики и семантики ритуалов и верований непосредственно. Однако в ритуалах и верованиях немаловажное место занимает и слово. «Слово» родственно греческому *tifos* (речь, говорение). А миф — это традиционные, священные повествовательные тексты, описывающие исконные события, которые сформировали Вселенную. По определению В. Н. Топорова, миф — это то, «что говорится при том, что делается», вербальный текст «как сноски или комментарий» к ритуалу. Фактически речь идет об обрядовом фольклоре, составляющем совместно с обрядом единый смысловой текст.*

Сказанное слово подкрепляет действие, усиливает его, помогает сохранить смысл совершаемых поступков. Конечно, наиболее сакральными являются слова, обращенные к верховным божествам. Вербальные религиозно-обрядовые тексты чувашей представлены прежде всего такими жанрами, как моление, легенда, благословение, заговор, речь старшего дружки и диалоги. Что касается молений, то здесь можно выделить ряд определяющих признаков. Самым примечательным является отсутствие среди них текстов с отрицательным зарядом. Направленность на положительные эмоции, созидание, установление первопорядка — это высшие ценности молений. Обрядовое действие и моление вместе создают текст единого содержания. В молениях слово сопровождает действие, нося при этом соответствующую нагрузку, в итоге получается ритуальный текст в широком этнокультурном смысле. Отметим: обращение к одним и тем же объектам (например, духам и божествам Шывври, Киремет и т.д.) в разных вербальных жанрах обусловлено их тематикой.

Ключевые слова: моления, обряд, текст, первопорядок, чувашки.

Моление по-чувашски — *кѣлѣ*, а также *инем*, *ух*. *Кѣлѣ* как существительное можно переводить как «моление», «молитва»; глагольные формы представлены значениями «молиться, просить, клянуть», а в более позднее время — и «святить». *Кѣлѣ* активно бытует также как название божества. *Инем* встречается крайне редко (в пословицах и молитвах); *ух* употребляется только в ситуациях, когда молящиеся обращаются к татарину, представляет заимствование из татарского, главное значение — «читать,

отчитывать», т.е. речь идет о чтении выдержек из Корана [ЧГИ 21, 167; Ашмарин 1929, 122, 345].

В этимологическом плане слово имеет родственников в иранском (*гел*), ингушском (*кӕлӕ*), осетинском (*кӕлэн*), эвенкийском (*гӕлэн*), якутском (*кӕлӕни*), корейском (*кӕлгу*) языках. Корень слова образует в разных контекстах более широкие семантические значения, чем моление, — это «колдовство», «ворожба», «покровитель и помощник шамана» [Абаев 1958, 576–577]. Возведение Р. Г. Ахметьяновым к общепалтаюскому

кил/тил (+ чувашское тилмёр) [Ахметьянов 1978, 146–147; 1981, 31] нам представляется натянутым. Совершить *кёль* будет означать понятие «сотворить».

Содержание текстов молений бывает обшечнического, сельского, семейно-родового и индивидуального порядка. Например, в родовом обряде *чўклеме* высказывается просьба общественного значения: «Турă (верховное божество), дай народу силу-мощь, сохрани в целостности этот мир». В семейных и родовых молениях высказывается желание вырастить урожай, чтобы хватило есть и пить всей родне, всей семье, обеспечить здоровье людям и домашнему скоту: тексты констатируют факты прошедшего и содержат просьбу на будущее. В молениях при обращении к *Киреметю*, в частности, говорится: в этом году до сегодняшнего дня содержал, в будущем году также живыми-здоровыми содержи, слишком крепко не сердись. В содержании комментируются также совершаемые действия: «Турă, благодарим супом-хлебом, приготовленным пивом» [Поле 90, 166, 171; ЧГИ 6, 598].

Народные моления с полным правом можно отнести к одним из добротных источников для исследования производственных процессов, в данном случае — в рамках семьи. Здесь найдется немало материала из области пчеловодства, скотоводства, возделывания зерна, технологии земледелия. Жатва как один из этапов труда земледельца, к примеру, включает моление такого содержания: «Целое гумно копен, целая клеть ржи, овса, проса; целый сундук денег. Чтобы там, откуда возьмем, не было заметно; дай, чтобы достаточно хорошо поесть и попить вместе с родней, односельчанами, соседями» [ЧГИ 215, 419].

Технологию возделывания хлеба хорошо иллюстрирует текст моления в *чўклеме*: «Помилуй, Тур, помилуй, осенью посеяли, дай и весной посеять. Вспахали, посеяли, осенью посеянное, весной посеянное дай вырасти своими крепкими руками, чтобы стебель был с камыш, а верх как у гороха. Помилуй, Тур, помилуй. В поле выйдем — в поле обрадуй: от режущего серпа, от режущей косы убереги, вместо горсти сноп, вместо снопа пяток снопов, вместо снопов копну дай. Соберем горсть — горсти сохранность дай, сделаем сноп — снопу бережливость дай, поднимем копну — копне бережливость дай, нагрузим

телегу — в телеге бережливость дай. Ну, собрали с поля, помилуй, Тур, помилуй, свезем на гумно — на гумне бережливость дай, поднимем скирду — в скирде бережливость дай, разложим на овине — на овине бережливость дай. Благополучно перевести через огонь дай, сделаем ворох — вороху бережливость дай, в клеть положим — в клетки бережливость дай, на мельницу повезем — на мельнице бережливость дай, на базар пойдем — в торговле бережливость дай, домой вернемся — дома радуй, семь видов зерна в семи клетях заложить дай» [ЧГИ 213, 279–280].

Существуют моления, используемые на отдельных этапах ритуальных действий. Например, молятся во время обливания жертвенного животного, при заклании его, во время варки жертвенной пищи, после того как сварятся мясо и каша, при отделении частей и т.д. Раздача жертвенной пищи происходит после моления. Моления бывают в форме просьб, пожеланий и благодарений. Примерно такую же типологию отмечают исследователи на широком круге материалов [Жуковская 1993, 124], конечно, с учетом национальных нюансов. Например, у сибирских народов есть шаманские гимны божествам. Надо сказать, что моления бывают благодарственные, с просьбами, пожеланиями и т.д.; в «чистом» виде у чувашей они практически не встречаются. Тексты как бы перемежаются и чередуются.

Полевое моление Учук, с. Базлык Белебеевского кантона Башкирии. 1929 г. Снимок П. А. Петрова-Туринге // Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. VIII. Ед. хр. 210. Инв. № 1199

Field praying "Uchuk" in Bazlyk village of Belebey county of Bashkiriya. 1929. Photo by P. A. Petrov-Tyuringe. Scientific archive of Chuvash state institute for humanities. Dep. VIII, unit 210, inv. No. 1199

Что касается благодарственных молений, то жертвоприношение само есть благодарение духам и божествам, если оно, допустим, и не сопровождается текстом. В молениях благодарность, к примеру, может выглядеть в такой структурной последовательности: приносим кашу, благодарим, кланяемся, благодарим, кланяемся — сообщает респондент. Конечно, сообщают, кого, чем и за что благодарят.

В молениях просят оградить от грозы, молнии, урагана, града, жары, пожара, бед, болезней, грабителей и врагов. В обращениях к умершим родственникам, например, просят не посылать затяжные болезни, своевременно приходить и своевременно уходить. Просьбы, выпрашиваемые новорожденному, ничем не отличаются от тех, которые просят самими родителями и родственниками. В обрядах общесельского и межсельского плана просят у *Турă* здоровья всей деревне, охранять все семьи, уберечь от пожаров и бед.

Обращения с просьбами служат хорошим материалом для прослеживания иерархии божеств. Например: *Турă, Турă амăйшĕ, Хăт, Хăт амăйшĕ, Хăрпан, Хăрпан амăйшĕ* и т.д. Иногда просьбы принимают характер уговора и упрашивания. Притом злых духов уговаривают и упрашивают, а добрых и справедливых просят в повелительном наклонении. В некоторых случаях просьбы переходят в мольбу. В осеннем молении семьей и родней, в частности, говорится: «Мы, жалкие души бога, умоляя, просим тебя, чтобы ты сохранил нас». Часто просьба и благодарение совмещаются в одном и том же молении. К примеру, моление после жатвы: «Спасибо божествам *Турă* и *Пўлĕх!* В поле дела завершили, загон, отдай мне мою силу» [Поле 90, 161; Чулков 1786, 140–141].

Молитва-пожелание — форма высказывания желания. Например: «Из одного посеянного зерна пусть получится сто зерен», или: «Пусть живет до старости, пока не обует лапти задом наперед».

Имеются моления в виде покаяний за возможно совершенные ошибки в обрядах обращения к сонму божеств, а также в форме призыва *Турă* для преодоления врага.

Структура текстов молений такова. Моление состоит из блоков отдельных высказываний. Например: зачин (в форме «*Ие, пĕсмĕлле...*») + изложение факта

действия + просьба + обращение к адресату + просьба. Или: обращение + информация о жертве + просьба. Имеются многоступенчатые, а также чередующиеся блоки типа «обращение + просьба + обращение + просьба + обращение + просьба». Проиллюстрируем один из типов на конкретном примере (просьба + обращение + комментарий действия + просьба + обращение + комментарий + просьба): «Помилуй, мать *Пўлĕхсĕ*, тебя чествуем, на тебя надеемся, благодарим, кланяемся. В любом случае помилуй, мать *Пўлĕхсĕ*, тебя чествовали, когда у нас ничего не было, на тебя надеялись. Теперь, когда у нас есть, тебе всем народом молимся, помилуй, данное любя, прими любя, что бы там ни было». Стараясь от духов или божеств получить что-то и тут же от них избавиться, строили тексты в следующем виде: 1) вот вам угощения; 2) дайте нам того-то; 3) уходите обратно [ЧГИ 29, 118–119; ЧГИ 31, 66].

Из циклических молений, привязанных к определенным временным отрезкам, выделяются так называемые «годовые моления», т.е. повторяющиеся раз в год примерно в одно и то же время. В текстах таких молений обычно присутствует оборот *...çул çаврнăйшĕпе...* — буквально «круговоротом года». К их числу относятся моления по случаю *мункун, калăм, сĕрен*, а также *кĕр сăри* [Поле 90, 165, 180, 181]. *Мункун* и практически входящие в его состав *калăм* и *сĕрен* приходятся на дни весеннего, а *кĕр сăри* — осеннего равноденствия. В *мункун* желают доброго здоровья и спокойствия каждой душе. Как правило, в годовых молениях просят дать жить до следующего круговорота природы.

Мы не ставим задачу жанровой классификации молений. Их столько, сколько самих обрядов. Тем более они вариативны. Однако среди них есть более или менее «насыщенные» вербальным текстом ритуалы. Наиболее богаты молениями родовой обряд по случаю начала употребления нового урожая *чўклем* и общесельское моление *Учук*, проводимое после посева.

В *чўклем*, по сути, воспроизводится технология возделывания зерновых и перечисляются основные его этапы. Вызывается просьба уберечь поля от ветрабури, злого дождя-града. В его составе имеется специальный текст по случаю початия бочки пива в честь *Турă* в благодарность за

способствование получению нового урожая. Высшая цель молещика — получить семь видов зерна и иметь три вида скота. Для этого и в благодарность за это приносятся первинки от урожая, выражается намерение быть богоугодными правильными делами, поведением, в общении. Универсальность молений в *чүклеме* определяется и тем, что они включают пассажи из других обрядовых молений. Например, используются целые блоки из молитв, посвященных духам предков. В родовом молении перечисляются практически все основные жизненно важные вопросы. Помимо *Турă*, в них адресатами являются духи и божества других категорий. Например, обращаются к *Хёртсурту*, а также божествам разряда *киремет*. *Чүклеме* — это универсальное родовое моление оседлого земледельческо-скотоводческого населения, когда перечисляют основные аспекты жизнеобеспечения. В нем прослеживается хозяйственно-культурный тип, где скотоводство подчинено земледелию [Поле 90, 170–171; ЧГИ 5, 62об.].

Учук кёлли — самое масштабное и значительное моление на общесельском уровне. Его смысл сводится к формуле «земля + дождь = зерновые». Как правило, в качестве благодарственной жертвы приносят бычка. Структура моления в *Учук* в основном сводится к двум пунктам: 1) за зерновые; 2) за народ [ЧГИ 25, 94–95; 29, 118].

В любом тексте в большей или меньшей степени есть «отклонение» от темы: содержание шире жанра. Например, в обряде вызывания дождя в конце просят отвлечь беды — беречь от воров, ненавистников, врагов.

Встречаются интересные с исторической точки зрения рудименты. Так, на вопрос: «Какие нужны условия для проведения свадьбы?» — дается ответ: «Зло в сторону, врагов под ноги». Видимо, сохранилась историческая архаика, когда невесту добывали путем преодоления сопротивления экзогамной группы.

Ценностные ориентации по данным молений позволяют определить смысл жизни. Согласно источникам, на первом месте у чувашей стоит хлеб. Например, в молении во время сева высказывается мысль «зерно → зарод → копна»; в *Учук* мысль сосредоточена на трех ценностях: 1) зерно; 2) скот; 3) дом; а для рекрута дорог хлеб родного

дома; поэтому для хлебных полей, в свою очередь, ценным является теплый дождь. Семья и домочадцы на втором месте, ибо без хлеба не содержать семью, не растить детей. В молении, обращенном к божеству *Хёртсурт*, текст построен по формуле «семья + дом + дети», в *Сурăм кёлли* — «старика + дети». Чувашки просят целую семью детей и целый пол ягнят, учитывая, что дети и ягнята — продолжение рода и приумножение состояния. Содержание моления в обряде *карташ пăтти* указывает на ценность, пребывающую во дворе: к лошади — жеребенок, к корове — теленок, к овце — ягненок. Составляющие семейного счастья у марийцев весьма близки к чувашским: скот, птица, хлеб, дети. Не забывают чувашки и ушедших из этого мира. Быть в нормальных отношениях с умершими родственниками и односельчанами, пожелание им продолжения земной жизни — не меньшее благо для живых [ЧНМ, учет. 4482. 12, 3об. — 4; ЧГИ 21, 5].

Как мы уже отметили, редки моления, в которых не высказывалась бы забота об урожае. При этом скот ценится как тягловая сила. Так, в частности, в конце пахоты говорится: «Помилуй, Турă, угощаю тебя кашей, сваренной по случаю пахоты. В этом году благополучно завершили пахоту, и в следующем году так же со своей доброй лошадкой дай возможность выйти на пахоту». Поэтому дворовый скот в жизни признается как необходимость, о даровании его существуют специальные моления, обращенные к божеству, творящему тысячу вместо одного. До наступления времени моления по поводу начала мясного сезона — *Питрава* — забивать скот не рекомендуется.

Целями, которые ставит земледелец, выходя на сев, являются: 1) пусть зерна нальются, как это яйцо (закладывает яйцо в борозду); 2) стебель пусть будет, как у камыша; 3) каждое зерно с горошину; 4) колос — как палочник; 5) зарод на зарод... В молении праздника *Акатуй* говорится о проведении «свадьбы» после посева: ведь в землю-мать положили семена. Зерно занимает слишком значительное место, оно есть хлеб, пиво, семена, корм скоту, валюта, товар, угощение для гостей, для замерзших и голодных, подавание нищим. Согласно текстам, урожай зерновых после отделения семян на посев делится на три части: одна идет на употребление, две — на продажу. Такова система земледелия.

Приоритет земледелия виден и в том, что в дни, не посвященные земледельческим обрядам в непосредственном смысле, тема землепашества, постоянное беспокойство за урожай находятся на первом плане. Например, в *мункун*. Везде мы замечаем просьбу крестьянина-земледельца, возделывающего хлеб и живущего этими заботами. Интересно: из урожая всё время упоминаются зерновые, а о бахчевых культурах не говорится вообще. Примечательно, что и рекрут, временно покидающий дом, высказывая свои назначения в жизни, важнейшими из них называет работу на земле и похороны родителей. Несомненно, высокий ранг зерновых, хлеба и хлебных изделий говорит о земледельческом хозяйственно-культурном типе экономического уклада жизни [Поле 90, 165, 173, 190].

Семья и дом входят в систему первоочередных ценностей. В молении при закладке фундамента дома всегда выражается желание иметь дом, детей, хлеб-соль и скот. Провожая члена семьи в дальнюю дорогу, желали обязательного возвращения домой. Существует специальное моление за семью и дом во время *килйи пйтти* (букв. «каша в честь семьи»).

Имеются специальные моления о даровании детей, а также в честь новорожденного. Родители и родственники хотят, чтобы их дитя был в народе, работал вместе с народом, относился к представителям разных возрастных категорий соответственно имел детей благодарных. В осеннем поминании умерших содержится молитва-наставление умершим детям. Особенно обращают их внимание на то, чтобы те не надоедали ходящим за ними бабушкам [ЧНМ, учет. 4477. 530, 39об.—40; ЧГИ 31, 7].

Природа с ее структурными элементами была и есть основной объект внимания и подражания человека в производственной и бытовой деятельности. В чувашских молитвословиях больше других получили отражение вода и огонь. По самым разным причинам и на самых разных этапах существования семейных отношений чуваша обращались к воде и огню, точнее, к их божествам-хозяевам: это создание новой семьи, болезнь одного из домашних, пожары, падеж скота и т.д. В обряде жертвоприношения божеству воды, в частности, говорили: «От имени

всей семьи, домашних животных трех видов завариху даю, помилуй. И когда сами переходим воду, и когда скот переходит,— не пугай, не насылай страх и недуги, если и наслал болезнь, вылечи».

Как известно, образование новой семьи сопровождалось добыванием нового огня. Семья и очаг в истории культуры всегда были равнозначными. В обрядах чуваша огонь называли «доброй матерью» (отсюда известная принадлежность домашнего очага женщине), передающаяся от старших к младшим, и восприятие божества домашнего очага в лице свекрови. Чуваша просили духа домашнего очага не уходить к чужим, а чужой огонь не пускать в свой дом. Моление в обряде вызывания дождя обращено непосредственно к *Туря*. Чуваша напоминали своим божествам об их основных задачах. Например: «Эй, Хёртсурт, ты хозяйка дома, сохрани этот дом в хорошем состоянии». Не оставляли в стороне и духов предков. Некоторые тексты построены в виде разговора с умершими: «Вместе мы хорошо жили. Ты бросил меня. Если б ты был здесь, мне горя не было бы вырастить детей. Ты умер и слег: то ли в мученье, то ли в спокойствии. А вот я мучаюсь с детьми. Я тебя вспоминаю, ты меня не вспоминай». Божеств и духов приглашают к совместной еде, уделяют им части от своей еды [ЧГИ 21, 5; 147, 221; 151, 254].

Молитва отличается высокой сакральной значимостью. Молиться — значит быть религиозным. Старики наиболее религиозны, т.е. соблюдают моления. Поэтому о религиозном человеке часто говорят: «Он очень склонен молиться».

Живые с духами и божествами находятся в постоянной взаимозависимости. В молениях соблюдается принцип «Ты — мне, я — тебе». Например: «Туря, за то что ты нам дал есть-пить, мы тебе молимся всей родней. Варенным супом-хлебом, приготовленным пивом тебя чествуем». Или: «Эй, Йёрёх, Йёрёх! Я тебе и кисель, и масло дам. Не тронь уж меня»,— умоляет страдающий недугом. Одаривание с целью получить во много крат больше — основной лейтмотив в обращениях: «Пусть будет перед ним, пусть один кусок превратится в один воз, пусть будет перед тобой; пусть будет в достатке. В раю пребывайте». *Ab igne ignem* — услуга за услугу, основанная на взаимобмене

ценностями, — составляет главное содержание в обращениях к духам и божествам [Поле 90, 162; ЧГИ 6, 609; 21, 524].

Во время моления участники обряда занимают места соответственно социальному рангу (молельщики, старики, женщины, молодежь, дети). Молельщик держит себя весьма благочинно, напоминает своему божеству-покровителю, что он низко кланяется, своим «теплым лицом» и «вкусным языком» выражает подобострастное отношение к нему, изображает себя наивным и просит удовлетвориться подношением. От всех требуется соблюдение этикета: так, во время употребления пива нельзя смеяться, вытирать губы, нельзя поднимать кружку высоко. Нарушителя ждет наказание, ему предстоит выпить штрафных семь раз по пять кружек пива.

Все без исключения моления рассчитаны на возврат к первопорядку, обновление организма и устранение хаоса. Банная молитва, например, настраивает на отдых, приносит облегчение телу, снимает усталость, восстанавливает силу.

В текстах изредка встречаются слова типа: «В наших руках нет книги, Туря, прости», — что, естественно, говорит о бесписьменном пути развития культуры молений, об устных традициях передачи исторической памяти.

Тексты молений как архаическое мышление трудно поддаются переводу. Например, часто встречающееся слово *сырлах* в разных предложениях передает такие понятия, как «помилуй», «довольствуйся», «прими». Неуместная подстановка несоответствующего варианта может вызвать полную несурязицу.

Молитва богата сравнениями, образы которых заимствованы из природы и повседневной жизни. Растительный мир всегда привлекал и служил символом плодородия. Так, высказывается желание иметь зерна крупные, как горох. Во время первого выгона скота говорят: «Пусть мой скот, как эта распутившаяся ветка, будет плодovit и здоров, как эти почки вербы весной». Наблюдение за поведением муравьев породило следующую молитву: «Как муравьи собираются — пусть так же наш скот собирается». Желток куриного яйца также находит место для сравнения: молились, чтобы зерно было сытое (налитое), как середка куриного яйца. Иногда люди своими действиями желали вызывать

соответствующее поведение животных на пастбище: «Как мы ложимся, пусть и скот так же ложится, не убегает». При этом хозяева изображали, как они отдыхают лежа [ЧГИ 23, 218; 151, 322].

Речевые штампы — характерное явление для молитвословий. Клише типа «Пусть из одного зерна вырастает тысяча зерен» встречается очень часто. Земледелец желает получить столько урожая, чтобы хватило не только кормить семью и содержать хозяйство, но и обогреть замерзшего и накормить голодного. Идеалом является ситуация, когда полный пол ягнят и полная скамья детей, да чтобы у печи была сноха, а у двери — зять. Желательно, чтобы во дворе у хозяина за кобылой бегал жеребенок, за коровой — теленок, за овцой — ягненок. Отправляясь на водопой, многочисленное поголовье скота растянулось бы так, чтобы один конец уже был у воды, а другой конец — еще во дворе. В передаче шаблонных клишированных просьб в *чүклем* можно встретить выражение *шыл сумне шыл хуш*, что в данном контексте надо понимать не буквально как «прибавь зуб к зубу», а как «прибавь зерно к зерну», ибо слово «зуб» здесь имеет переносное значение [ЧГИ 5, 62–62об.; 151, 323].

Речь молельщика содержит ряд загадок, т.е. образ или действие раскрываются через их характерные признаки. Например: «Тебя (Туря) благодарим за того, у кого шесть ног и четыре крылышка» (пчела).

Молитва громко не произносится. Ее говорят себе под нос или вообще произносят неслышно и даже про себя, ибо она обращена к божеству или духу, а не к окружающим людям. После жатвы, например, старик про себя говорит так: «Эй, Туря, ты сообщи нам через проводимый нами обряд: если нам жить в целостности-сохранности, пусть все серпы упадут вместе в одно место, а если суждено кому-либо из нас отделиться от нас, то пусть его серп упадет отдельно от других». Естественно, произносить вслух такое заклинание просто неэтично. Произношение про себя ритуальных молений и речей, имеющих особо серьезное значение, характерно для всех народов. В древнем Иране один из видов молитвы — *земзем* (священное бормотание) — произносилось негромким голосом, нараспев, как бы «под нос». Особенно нараспев и протяжно, часто — вслух, произносились концовки каждого оборота. Письменные источники также сохранили

следы протяжности. Например: Чу̣-у̣-у̣к, к-и-и-ль-а-х. В полевом молении зафиксированы специальные возгласы типа Ку-ук!, что является сигналом приглашения на обед в поле. Теперь этот возглас стал архаизмом. В целом молениям свойственна ритмичность [ЧГИ 179, 52; 204, 261; 206, 174].

Считалось, что от ряда недугов можно избавиться как молитвой, так и заговором. Однако между ними есть ряд отличий. Так, если моление имеет мягкий тон, форму просьбы, а молещик представляется наивным, то заговор наделен категорической формой («пусть лопнет, пусть исчезнет»). Моление нацелено на благополучие в будущем, а заговор — на ликвидацию наличной беды. Кроме того, моление могут произнести старик, глава дома, мать, молещик,

а заговор — повитуха, наговорщик, знахарь, колдун.

Как справедливо утверждают фольклористы, чувашское народное моление по праву считается наинархаической формой мифологической поэзии.

Итак, в молениях можно выделить ряд определяющих признаков. Самым примечательным является отсутствие среди них текстов с отрицательным зарядом. Направленность на положительные эмоции, созидание, установление первопорядка — это высшие ценности молений. Обрядовое действо и моление вместе создают текст единого содержания. В молениях слово сопровождает действие, неся при этом соответствующую нагрузку, в итоге получается ритуальный текст в широком этнокультурном смысле.

Источники и материалы

Абаев 1958 — Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л., 1958.

Ашмарин 1929 — Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. Вып. III. Чебоксары, 1929.

Поле 90 — Материалы экспедиции автора в 1990 г. в Шенталинский р-н Куйбышевской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. Лл. 134–240.

ЧГИ — Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук. Отд. I. Ед. хр. 5: ЧГИ 6 (Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор. 1841–1903 гг. 652 с.); ЧГИ 21 (Ашмарин Н. И. Археология, этнография, фольклор. 1895–1943 гг. 611 с.); ЧГИ 23 (Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор. 1874–1899 гг. 397 с.); ЧГИ 25 (Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор. 1883–1900 гг. 679 с.); ЧГИ 29 (Ашмарин Н. И. Этнография, фольклор (в том числе татарские тексты). 1897–1922 гг. 648 с.); ЧГИ 31 ([Петров М. П.]. Чавашсем (этнографический очерк). 1881 г. 77 с.); ЧГИ 147 (Никольский Н. В. Этнография. 1887–1904 гг. 418 с.); ЧГИ 151 (Никольский Н. В. Этнография. 1887–1905 гг. 355 с.); ЧГИ 179 (Никольский Н. В. Этнография. 1910–1911 гг. 284 с.); ЧГИ 204 (Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1909–1911 гг. 348 с.); ЧГИ 206 (Николь-

ский Н. В. Этнография. 1909–1911 гг. 261 с.); ЧГИ 213 (Никольский Н. В. Религия, этнография, фольклор. 1908–1911 гг. 556 с.); ЧГИ 215 (Никольский Н. В. Этнография. 1832–1916 гг. 537 с.); ЧГИ VIII-210 (Петров-Туринге П. А. Фотоснимки этнографической экспедиции по чувашским селениям Башкирской АССР. 1929 г. 91 шт.).

ЧНМ — Отдел рукописей Национального музея Чувашской Республики: ЧНМ, учет. № 4477. 530 (Рекеев А. В. Общий список чувашской мифологии; Моление о даровании дитяти и что делают при этом знахари. 1893 г. 80 л.); ЧНМ, учет. № 4482. 12 (Отчет послушника Михайло-Архангельско-Черемисского монастыря Максима Николаева, ныне монаха Мануила о поездке в черемисские села и деревни с миссионерской целью. 1884–1885 гг. 7 л.).

Чулков 1786 — Чулков М. Абевега русских северий. М., 1786.

Исследования

Ахметьянов 1978 — Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). М., 1978.

Жуковская 1993 — Жуковская Н. Л. Молитва // Свод этнографических понятий и терминов. Вып. 5. М., 1993.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Салмин А. К. <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН: Российская Федерация, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; тел.: +7 (812) 328-08-12; e-mail: antsalmin@mail.ru

CHUVASH PRAYING AS A RITUAL TEXT

ANTON K. SALMIN

(Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences: 3, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation)

Summary. *The ritual world of the Chuvash is rich and diversified, and the author has sufficiently made certain of this when dealing with the issues of systematics and semantics of rituals and religious faiths. Words also hold a prominent place in rituals and faiths. "Word" is related to the Greek "mifos" — "speech, speaking". Myths are traditional sacred narrative texts which describe indigenous events which formed the Universe. As defined by V.N. Toporov, a myth is an item "which is spoken when something is being done", a verbal text serves "as a footnote or a comment" to a ritual. Ritual verbal folklore together with the ritual ceremony comprise a single sense-bearing text.*

A spoken word confirms an action, reinforces it, and helps retain the sense of what is being done. Certainly, the most sacral words are those addressed to presiding deities. Verbal religious and ritual texts of the Chuvash are represented primarily by such genres as a prayer, a legend, a benediction, a magic spell, a speech of the elder best man, and dialogues. Traditions and other less significant samples may be a trigger for continuation of the subject.

As regards prayers, one can distinguish a number of determining features. The most notable of them is absence of texts with negative emotional coloring. The focus on positive emotions and the establishment of initial order are the supreme values of prayers. Ritual action and praying taken together create a text with an integrated content. In praying, words accompany action, bearing the respective meaning, resulting in a ritual text in a broad ethno-cultural sense. Note: resort to the same objects (e.g., spirits and deities Shyvri, Kiremet, etc.) in different verbal genres is determined by their subjects of such genres.

Key words: *prayers, ritual, text, initial order, Chuvash.*

References

Akhmetyanov R. G. (1978) *Sravnitel'noye issledovaniye tatarskogo i chuvashskogo yazykov (fonetika i leksika)* [Comparative studies of Tatar and Chuvash languages (phonetics and lexicology)]. Moscow. In Russian.

Zhukovskaya N. I. (1993) *Molitva* [Prayer]. In: *Svod etnograficheskikh ponyatii i terminov* [Code of ethnographic notions and terms]. Issue 5. Moscow. P. 124. In Russian.

ABOUT THE AUTHOR

Salmin A. K. <https://orcid.org/0000-0002-1072-9933>

E-mail: antsalmin@mail.ru

Tel.: +7 (812) 328-08-12

3, Universitetskaya emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

Grand PhD (History), leading researcher of Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
